

Поклонницы Бая Чена, замороженные, как мотыльки светом, вились вокруг его цифрового образа, черпая силу в его безупречной внешности. Их восторги текли рекой комментариев, где имя «талант» не значилось вовсе. Лицо – вот единственный бог, которому они поклонялись. Зачем напрягать мозги, выкладываться душой, когда можно сиять отраженным сиянием привлекательной оболочки? Бай Чен, словно соленая рыба, выброшенная на берег, поддавался их уговорам, не сопротивляясь легкомысленному духу времен. — Подождите минутку, — бросил он, вставая и направляясь к черному, как ночь, чехлу, где покоилась его верная спутница – старая гитара. В тот миг, когда Бай Чен коснулся ее лакированного корпуса, в его груди зародился неуловимый трепет. Сердце словно замерло, ожидая чего-то невероятного. — Сяочен, присаживайся, — сказал Хэ Цзюнь, уже поставив стул. Бай Чен послушно опустился, гитара послушно легла на колени. Нежные пальцы пробежались по струнам, извлекая чистую, трогательную мелодию. Он начал играть, но звуки – всего лишь предвестники. — Прежде чем мы начнем, — Бай Чен поднял голову, глядя на сотрудников шоу, — прошу вас, приготовьте бумажные платочки. Все молчали, изумленно переглядываясь. — Сяочен собирается нас расплакать? — первым, с недоверием, спросил Хэ Цзюнь, немедленно покопавшись в своих карманах. — Теперь Сяочен себе наделал проблем, — забеспокоился Хуан Лэй. Другие сотрудники с сомнением улыбались. Расплакать их? Не смешите! Тот, кто заплачет, – чистый профан! Вести с телеэкрана, как обычно, бурлили, в них отражались эмоции зрителей: — 666, это шутка? — Ладно, все равно – у него есть шанс похвастаться своим мастерством! — Я гарантирую, если он заставит хоть кого-то из этих рептилий плакать, буду есть экскременты в прямом эфире!! Запомните мой ID, этот, кто сказал, что будет есть экскременты в прямом эфире!! — ... Бай Чен слегка наклонил голову, взглянул на струны и легким касанием, словно бабочка, опустил палец на первую струну. Четкая, мелодичная песня зазвучала из его пальцев, сливаясь с низким, меланхоличным голосом, словно из глубин земли. — Странствуя, в дороге. Ты уходишь, Via-Via? — Хрупкий и гордый. Таким и я был. — Бурлящий, беспокойный... Все замерли. В их воображении явился образ: худой юноша с гитарой за плечами, идущий по беспросветной дороге, но с гордо поднятой головой. — Я пересек горы и моря, и пересек бездну людей. — Все, чем я когда-то владел, исчезло в одно мгновение. — Я когда-то заблудился, разочаровался, потерял всякое направление... Юноша в их воображении стал ими самими. Вспомнили о молодости, о мечтах, о девушке, которую любили, но так и не решились признаться в своих чувствах. Самые болезненные и самые счастливые воспоминания хлынули все вместе. В носу у них защипало. — Я разрушил все, что меня окружало! Я просто хочу уйти, и навсегда! — Я когда-то упал в бездну тьмы! Я хотел бороться! Я не мог освободиться! — Я когда-то был как ты, как он, как сорняк и полевой цветок... — Отчаяние и тоска. Я плачу, смеюсь, живу как все... Глаза зрителей перед телеэкранами покраснели. Они застыли, замороженные, не хотя отрывать взгляд от экрана, сдерживая слезы. Но на экране вдруг появилось лицо, полное жизненного опыта, и слеза скатилась с его глаза. И эта слеза, словно искра, зажгла огонь в сознании зрителей. Все без исключения расплакались... На сцене атмосфера была не намного лучше. Многие повернулись к камерам спиной, скрывая свои покрасневшие глаза. В это же время в роскошной комнате девушка, с идеальным лицом, смотрела на Бая Чена, поющего а капелла, и не могла сдержать слезы. Ее слезы текли по щекам, падая, как жемчужины, неконтролируемо, как дождь.